

Политическая лингвистика. 2023. № 5 (101).

Political Linguistics. 2023. No 5 (101).

УДК 811.161.1'42:811.161.1'373

ББК ШПЗ1.12-51+ШП41.12-3

ГРНТИ 16.41.21; 16.21.25

Код ВАК 5.9.5

Екатерина Викторовна Парышева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,

cancor@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5777-0178>

Рынок и базар в публицистическом дискурсе: от системной синонимии к контекстной антонимии

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена функционированию слов «рынок» и «базар» в публицистическом дискурсе. Лексема «рынок» вербализует аксиологически и политически значимый фрагмент действительности и на протяжении всего времени бытования в русском языке сохраняет синонимические связи с лексической единицей «базар». Материалами для анализа послужили данные основного и газетного корпусов Национального корпуса русского языка. Для изучения динамики лексического значения рассматриваемых единиц проанализированы данные толковых и ассоциативных словарей XVIII—XXI вв. В работе использовались методы дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа. В результате анализа выявлено, что слова «рынок» и «базар» сохраняют тесную синонимическую связь и в контексте чаще отражаются их общие отрицательные характеристики. Однако в поздний советский и постсоветский период «рынок» и «базар» употребляются как контекстные антонимы. Использование лексем как контекстных антонимов в публицистическом дискурсе позволяет решить важную коммуникативную задачу — обратить внимание читателя на последствия противоречивых экономических реформ. Основаниями для столкновения в одном контексте двух синонимов являются терминологизация слова «рынок» и жаргонизация слова «базар». Лексемы противопоставлены по коннотативным семантическим компонентам «порядок — беспорядок», «организованность — стихийность», «закон — беззаконие».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: динамика лексического значения слова, лексическое значение, русский язык, лексикология русского языка, лексемы, лексические единицы, компонентный анализ, синонимы, контекстные антонимы, контекстуальный анализ, корпусные данные, публицистический дискурс, «рынок», «базар».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Парышева Екатерина Викторовна, ассистент кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; SPIN-код: 7434-4505; 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48; email: cancor@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Парышева, Е. В. Рынок и базар в публицистическом дискурсе: от системной синонимии к контекстной антонимии / Е. В. Парышева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 5 (101). — С. 161-169.

Ekaterina V. Parysheva

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, cancor@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5777-0178>

Rynok and Bazar in Journalistic Discourse: From Systemic Synonymy to Contextual Antonymy

ABSTRACT. The article is devoted to the words “rynok” and “bazar” functioning in journalistic discourse. The lexeme “rynok” verbalizes an axiologically and politically significant fragment of reality and throughout the entire time of existence in the Russian language retains synonymic links with the lexical unit “bazar”. The main and newspaper text corpora data of the National Corpus of the Russian Language are used as resources of factual research material. To explore the dynamics of the lexical meanings of the words under study, the author analyzes explanatory and associative dictionaries of the 18th – 21st centuries. The study employs the methods of definitional, component and contextual analysis. The analysis has revealed that the words “rynok” and “bazar” retain a close synonymic relationship, and the contexts rather often reflect their common negative characteristics. However, in the late Soviet and post-Soviet period, “rynok” and “bazar” are increasingly used as contextual antonyms. The use of these lexemes as contextual antonyms in journalistic discourse allows solving an important communicative problem — drawing the reader’s attention to the consequences of contradictory economic reforms. The grounds for co-occurring of two synonyms in the same context lie in the terminologization of the word “rynok” and the jargonization of the word “bazar”. The lexemes are contrasted by connotative semantic components “order — disorder”, “organization — spontaneity”, “law — lawlessness”.

KEYWORDS: dynamics of the lexical meaning of a word, lexical meaning, Russian language, Russian lexicology, lexemes, lexical units, component analysis, synonyms, contextual antonyms, contextual analysis, corpus data, journalistic discourse, “rynok”, “bazar”.

AUTHOR’S INFORMATION: Parysheva Ekaterina Viktorovna, Assistant Lecturer of Russian Language Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Parysheva E. V. (2023). Rynok and Bazar in Journalistic Discourse: From Systemic Synonymy to Contextual Antonymy. In *Political Linguistics*. No 5 (101), pp. 161-169. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Лексический уровень языка является наиболее подвижным и восприимчивым ко всем социально-экономическим и политическим потрясениям в обществе. Интенсивное развитие разнообразных сфер общественной жизни влияет на то, как будет изменяться лексика в тот или иной исторический период [Гейко 2013: 195].

В конце XX — начале XXI вв. существенное влияние на общественно-экономическую жизнь России, а также на речевые практики и языковые процессы в этот период оказало несколько явлений: с одной стороны, перестройка общества и экономики и последовавший за этим распад СССР, с другой — глобализация экономики на мировом уровне [Ратмайр 2013: 15]. Е. А. Левашов во введении к словарю-справочнику по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в. «Новые слова и значения» также указывает на то, что политические преобразования в обществе, гласность и внедрение рыночных, капиталистических отношений «вызвали невиданные подвижки в современной русской лексике, ее зримое обновление» [Новые слова и значения 2009: 4].

В связи с этим особое внимание лексикологов привлекают лексические единицы, вербализующие аксиологически и концептуально значимые фрагменты языковой картины мира. Каждая эпоха или определенный период в жизни общества «выдвигает в центр общественного сознания фрагмент словаря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно» [Шмелева 1993: 33]. К подобным «ключевым словам текущего момента» относится лексема *рынок*, которая на протяжении всего времени бытования в русском языке сохраняет тесные синонимические связи с лексической единицей *базар*. Кроме того, базар и рынок — это наиболее древние формы товарообмена [Швецов 2011].

В работах, посвященных изучению актуальной лексики, также подчеркивается социальная значимость и востребованность лексемы *рынок* в культурно-ценностной системе социума, развитие которой обусловлено ключевыми политико-идеологическими и социально-экономическими явлениями и процессами, характерными для России конца XX — начала XXI века [Черникова, Рассказов, Орлова 2021].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена прежде всего социально-политической, аксиологической и идеологической значимостью исследуемых лексических единиц. В концепте *рынок* находят отражение серьезные, подчас коренные, изменения окружающей действительности.

Целью исследования является изучение функционирования и взаимодействия семантики слов *рынок* и *базар* в публицистическом дискурсе.

Внимание публицистики приковано к общественным, политическим и социальным проблемам. Авторы публицистических текстов стремятся описать действительность, ориентируясь на доминирующие или, напротив, непопулярные идеологические позиции [Единак 2018: 357]. Л. Э. Гейвандян отмечает, что публицистический дискурс — это воздействующий тип дискурса, реализующий интенцию убеждения с помощью фактов и оценки тех или иных явлений [Гейвандян 2018: 50–51]. Воздействие с помощью публицистического текста на читателя или слушателя призвано изменить его мировоззрение [Сидельникова 2017: 200]. Это обуславливает отбор языковых средств: для публицистических текстов характерно активное использование политической и экономической терминологии, а также эмоционально-оценочно окрашенной лексики, направленной на «вызов» эмоций у аудитории [Крутова 2020: 27].

В основе многих современных отечественных и зарубежных лингвистических исследований политического, экономического и тесно с ними связанного публицистического дискурса лежат корпусные данные [Lee 2008; Игнатъева 2021].

Материалами настоящего исследования послужили данные основного и газетного корпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Для изучения основного корпуса был рассмотрен подкорпус, охватывающий тексты с 1700 по 2019 год. Из газетного подкорпуса были выбраны материалы с 1983 по 2020 год. С помощью фильтров отбирались только те контексты употребления слова *рынок*, которые одновременно содержали и единицу *базар*. Всего проанализировано 153 контекста (40 вхождений в основной корпус, 113 — в газетный).

Для изучения динамики лексического значения рассматриваемых единиц, их системных отношений и ассоциативных связей используются этимологические, толковые и ассоциативные словари.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ историко-этимологических словарей показывает, что ближайшим синонимом слова *рынок* является *базар*, которое, предположительно, имеет персидское происхождение: *базар* перс. ‘торг, место торга’ [Черных 1999]. В словарях XVIII–XIX вв. («Словарь Академии Российской», «Словарь церковно-славянского и русского языка») для лексем *рынок* и *базар* нередко используется

синонимический способ толкования. Однако лексическое значение слов развивается по-разному. Анализ лексикографических данных показывает, что до начала XX в. слово *рынок* имеет значение 'место торговли', в 30-е гг. XX в. у слова фиксируется терминологически мотивированное значение — 'сфера товарно-денежного обращения, товарооборота' [Толковый словарь русского языка 1939]. В конце XX в. у слова *рынок* формируется новое значение — 'рыночная экономика' [Толковый словарь русского языка конца XX века 1998], при этом семантика 'место торговли' отходит на второй план.

С конца XIX в. слово *базар* имеет несколько значений: 1. 'торг' (процесс купли-продажи), 2. 'место такого торга', 3. 'шум, гам', а также 'крики, спор' [Толковый словарь живого великорусского языка 1880]. Последнее значение со временем трансформируется: испытывая влияние криминализации и приобретая другие семантические оттенки ('разговор', 'общение', 'шум, суматоха, скандал, устраиваемые для отвлечения внимания'), оно узуализируется, возвращается в активное употребление с новой семантикой. Эта семантика отражается и в дериватах слова *базар*: *базарить* — ранее 'торговать на базаре', а затем — 'разговаривать, обсуждать', 'устраивать беспорядок', 'ругаться, ссориться'; *базарный* — ранее 'принадлежащий базару, относящийся к базару, продаваемый на нем', а также 'плохого качества', затем — 'грубый, склочный, скандальный'. Эти семантические сдвиги зафиксированы в отечественной жаргонографии [Мокиенко 2000].

Положение о семантических сдвигах, вызванных как криминализацией, так и экономическими потрясениями, повлиявшими на восприятие *базара* носителями языка, подтверждается материалами ассоциативных словарей. Например, стимул *базар* в значении 'громкий разговор' приводит к появлению реакций *базарить*, *бессмысленный разговор*, *громкий*, *сплетни*, *не по теме* [Русский ассоциативный словарь онлайн www].

При сопоставлении ассоциативных полей (АП) *рынок* и *базар* наблюдается совпадение некоторых характеристик: связь базара и рынка с шумом, столпотворением, обманом, восточными этносами, дороговизной и отсутствием товаров. Однако в результате терминологизации *рынок* «притягивает» к себе единицы, связанные с экономическим дискурсом (*сбыта*, *ценных бумаг*, *потребительский*), в то время как АП *базар* демонстрирует актуализацию семантики 'громкий разговор' и испытывает влияние жаргонов (*кончать*, *фильтровать*, *фильт-*

руй) [Русский ассоциативный словарь онлайн www].

Сравнение данных обратных ассоциативных словарей говорит о незначительных трансформациях стимулов, вызвавших реакцию *рынок*: фокус смещается с понятия 'место торговли' на понятие 'экономическая система'. Стимулы, вызвавшие реакцию *базар*, преимущественно отражают семантику 'разговор', лексическое значение 'место торговли' постепенно занимает периферию поля [Шапошникова 2014, 2015; Уфимцева 2018, 2019], что, вероятно, характерно не для всех носителей языка в целом, а только для определенной возрастной группы. Базары как места торговли менее популярны среди молодежи, в то же время языковое сознание молодых людей восприимчиво к субстандартным единицам и значениям. Это объясняет и то, что большую роль в формировании АП *базар* играют именно лексемы и выражения, имеющие жаргонное происхождение.

В 90-е гг. XX в. слова *базар* и *базарный* приобретают пренебрежительную окраску и употребляются для номинации неразвитой, нестабильной рыночной экономики, что мотивирует расширение деривационных связей данного слова (*рыночно-базарный*, *базарно-рыночный*, *базарник* как сторонник рыночных реформ) [Новые слова и значения 2009]. Такое значение мотивировано коннотативными и периферийными компонентами семантики (шум, обман, толпа, грязь, дороговизна), которые метафорически связываются с экономической ситуацией в стране. *Рынок* как упорядоченная и организованная экономическая система противопоставляется своей неразвитой, стихийной форме — *базару*, что формирует почву для контекстного противопоставления языковых синонимов.

В основном корпусе материалы XIX в. подтверждают наличие тесных синонимических связей между словами *рынок* и *базар*. Они нередко предстают в одном ряду однородных членов. Так, например, в следующем фрагменте описывается азиатский базар, уделяется внимание особенностям его пространственного устройства, временным характеристикам, обстановке на нем, контролю со стороны государства:

Рынок, или базар, устроен рядами; в назначенные для продажи два дня в неделю народ с утра до вечера толпится во множестве. Правительство строго смотрит, чтобы купцы не обмеривали и не обвешивали (Ф. М. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии, 1821).

В материалах начала XX в. синонимические связи *рынка* и *базара* не претерпевают

изменений, слова по-прежнему входят в одни и те же контексты как члены синонимического ряда и обозначают наиболее доступные места торговли:

*Земляника, клубника, черная, красная смородина и крыжовник местного произрастания тоже обещают скоро появиться в изобилии на **рынках** и **базарах*** (Листок (08.07.1915) // газета «Петроградский листок», 1915).

Многие контексты представляют рынки и базары как места торговли, не имеющие больших различий:

*Эта игра широко была распространена во всем Петербурге: играли на набережных, на **рынках**, **базарах**, во дворах* (Д. А. Засосов, В. И. Пызин. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов, 1976); *Этот клуб зародился в трактирчике-низке на Неглинном проезде, рядом с Трубной площадью, где по воскресеньям бывал собачий **рынок** и птичий **базар*** (Вл. А. Гиляровский. Москва и москвичи, 1926–1934).

Предположительно, впервые контекстная антонимия *рынка* и *базара* зарождается в текстах поздней советской эпохи, когда терминологически мотивированная семантика 'сфера товарно-денежных отношений' слова *рынок* входит в активное употребление, происходит столкновение с лексемой *базар*, не имеющей соответствующего значения. Однако такое употребление нельзя назвать частотным.

*Радикалы отбивались из последних сил, защищая зародыши будущего свободного рынка. В конце концов согласились запретить торгово-закупочную деятельность любых кооперативов, если объектом закупки служат товары из государственных магазинов и складов. Поскольку частного сектора в производстве (кроме кустарных промыслов) у нас пока еще нет, такое запрещение означает, что мы будем создавать рынок... без профессиональных торговцев — посредников между производителями и покупателями. **Рынок**, а не **базар!** Оригинально* (Л. Остерман. Дневник, 1989).

Е. Трубина делает попытку объяснить концептуальное различие восприятия рынка и базара с социологической точки зрения. В основе этой противоположности лежит метафорический потенциал лексической единицы *базар*: «Это слово исторически нагружено негативными коннотациями, что <...> выражается в „сексистской“ поговорке „Где баба — там рынок, где две — там базар“. Возможно, как раз этой исторической традицией словоупотребления объясняются неудачи прежних попыток власти использо-

вать его в позитивном смысле. <...>. „Базарная дикость“ подается как проблематичная и эстетически..., и социально...». Несмотря на то, что *базар* — это синоним «отсталости», давно ушедшего прошлого, в контексте городской среды это слово становится воплощением разнообразия [Трубина 2010].

Характер и функции столкновения в одном контексте синонимов *рынок* и *базар* меняются и особенно ярко проявляются именно в постсоветский период. В следующем фрагменте подробно описываются идеологические мотивы государства, проводящего рыночные реформы, и причины, по которым люди восприняли реформы с опаской и недоверием. При этом сталкиваются не только денотаты *рынок* и *базар*, но и разные лексико-семантические варианты в семантической структуре слова *рынок*. *Рынок* как место торговли сравнивается с *базаром*, поскольку он такой же дикий, неорганизованный, стихийный, и противопоставляется *рынку* как системе организованных товарно-денежных отношений, составляющих экономическое будущее страны. Высказывания «Я за рынок, но не за базар», «Шли к рынку, а пришли к базару» (как и многие другие), принадлежащие В. Черномырдину, активно эксплуатируются публицистами в 90-е — начале 2000-х гг.

<...> *Первая попытка политической ревизии гайдаровского наследия после прихода в премьерское кресло Виктора Черномырдина была направлена именно против хаоса торговли, воспринимавшейся в значительной мере как символ спекулятивного, «дикого», рынка. Одно из первых бонмо нового премьера, ответившего на ключевой политический вопрос дня «Вы за рынок или против?»: «Я за рынок, но не за базар», — имело бешеный успех. Развивая его, Черномырдин попытался развернуть знаковую идеологическую кампанию против коммерческих «палаток» <...> Содержанием и сутью явленной в образе «дикого рынка» социальной революции было то, что <...> экономические свободы и независимость от государства были обеспечены де-факто, что и дало толчок колоссальным социальным сдвигам, слому моделей социального и экономического поведения и значительной перетряске элит. Однако свободы эти <...> были восприняты <...> как катастрофическое последствие объявленного «банкротства» государства (К. Рогов. Между демократией и свободой. Идеи парадоксы русской демократической революции // «Неприкосновенный запас», 2003).*

Публицистов волнует проблема «торговли журналистикой», превращения журнали-

стики в оружие для политического влияния. Так, например, в следующем фрагменте представлено сразу несколько оппозиций, которые позволяют выразить несоответствие желаемого и действительного. Жизненно важные явления предстают в своей извращенной, радикальной форме:

*Журналисты — тоже часть общества, в котором живут. Того государства, где если уж **власть**, то обязательно **предержащая**; если **политика**, то **до последнего патрона**, если **рынок** — то непременно **базар**; если **закон** — то **закон джунглей**. И **пресса** — **товар, вариант бизнеса по-русски**. Но может ли пресса быть просто бизнесом? **Расследовательская журналистика** — лишь **оружием в предвыборных баталиях**? (А. Макаркин. Усмирение СМИ // Совершенно секретно. 2003)*

Если **рынок** отражает образ желаемого будущего, то **базар** в данном случае — его противоположность. Реформы, которые должны были способствовать постепенному установлению рыночной экономики, подвергаются жесткой критике в прессе, поскольку приводят не к развитию товарно-денежных отношений, а напротив — к их архаизации: люди вынуждены заниматься розничной торговлей, выходить на рынки, базары, чтобы обеспечить себя. Кроме того, **рынок** как рыночная система противопоставлен **рынку** как месту торговли с синонимом **базар**:

*Наша фракция поставила условием голосования принятие ряда принципиальных позиций: **запрет вверных отключений**; **государственный контроль над атомной энергетикой, гидроэнергетикой и сетевыми компаниями**. Отмену авансовых платежей за электроэнергию для населения и предприятий. **Иначе вместо рынка получим базар, повышение цен и ничего более** (Н. Шипицына. Работа над ошибками // Московский комсомолец. 2003); <...> **Наша реформа далека от своего завершения, в 90-е годы они проводились с серьезными ошибками, и, по-видимому, пройдет еще немало лет, прежде чем российская демократия станет зрелой, а рынок утратит черты нецивилизованного базара** (С. Рогов. Стратегическое партнерство России и США возможно и необходимо // Металлы Евразии. 2004).*

Обратимся к следующим контекстам, в которых употреблены другие члены синонимического ряда.

*Зерновой **рынок** — это не **базар**, не **барахолка**. Там имена и репутации создаются годами (А. Петренко. «Бизнес должен быть разносторонним» // Дело (Самара). 2002).*

Противопоставляются не только **рынок** и **базар**, но и **барахолка** как место купли-продажи старых и ненужных вещей. Работа на рынке как сфере товарно-денежного обращения не может сравниться с работой на базаре или барахолке, потому что требует наличия важных организационных умений, связей, особой репутации.

Ярмарки — это место торговли, отличное от рынков и базаров. Исторически ярмарки использовались не только для сбора людей в определенные дни с целью купли-продажи товаров, но и для проведения праздников, увеселений.

*По-настоящему сезон продажи фруктов-овощей в Москве всегда открывали к первому сентября, когда у каждой мало-мальски отдаленной от исторического центра станции метро раскидывалась **«ярмарка»** — не **рынок**, не **базар**, но **именно ярмарка** (Э. Дорожкин. Любовь к бычьему сердцу. Пик сезона фруктов в Москве // Известия. 2001); **Издавна ярмарки в нашей стране пользовались огромной популярностью и собирали наибольшее количество народа. В конце прошлого века они проходили до 20 тысяч раз в год!** (С. Коротеев. Двое — это рынок, а семеро — ярмарка. 2000).*

Тем не менее **рынок**, **базар**, **ярмарка** сохраняют тесные синонимические отношения:

*Они будут на всех колбасных, пельменных, рыбных и всех продовольственных **рынках, на всех ярмарках, базарах** — везде (Екатерина Селезнева. Прививка от бешенства // Дело (Самара). 2002).*

В контексте, представленном ниже, сравнение рынка как сферы товарообмена с базаром как местом торговли имеет положительный оттенок, что нетипично для текстов данного периода: *хорошие автомобили на рынке и пирожки с вкусной начинкой на базаре* одинаково хорошо пользуются спросом (*разлетаются мгновенно*):

*Хорошие модели для автомобильного **рынка** — то же самое, что для обычного базара пирожки с вкусной начинкой: разлетаются мгновенно (Х. Ганиев. Новости // Автопилот. 2002).*

Номинация места торговли также может быть мотивирована диалектными различиями:

*Астраханец не скажет, что идет на **рынок** — он идет **НА БАЗАР** (А. Никитин. От пяти до двадцати двух. Главы из повести // Волга. 2009).*

Немаловажно отметить, что противопоставление **рынок** — **базар**, мотивированное социально-политическими и экономическими противоречиями, теряет актуальность в 2000-е и 2010-е годы. В некоторых случаях

рынки и базары противопоставляются другому месту торговли — магазину — по семантическим компонентам 'свежесть товаров', 'приятный запах':

Лучше любого магазина Старый рынок: деревянные крытые ряды с большими окнами, местный урожай, аромат базара (А. Лоскутова, Е. Петрова // Русский репортер. 2012).

Примечателен контекст, в котором рынок и базар не противопоставлены, а вступают в отношения «целое — часть», что, скорее всего, объясняется сохранением в лексическом значении слова базар компонентов, связанных с семантикой темпоральности (базар как торг, устраиваемый в определенное время, в данном случае — в связи с годовыми праздниками), в то время как рынок — это постоянное место торговли:

На этой неделе на столичных рынках открылись отделы елочных игрушек и елочные базары (А. Елин. Зимняя дедевщина. В рядах Дедев Морозов начались кадровые чистки // Известия. 2002).

Данные газетного корпуса показывают, что в начале 1990-х гг. базар осознается как необходимая, хотя и болезненная, стадия развития рыночных отношений, отражающая реакцию людей на экономическую ситуацию, их попытки адаптироваться:

Как это ни прискорбно, но дорога, ведущая от социалистического распределения к процветанию цивилизованного рынка, лежит через дикий базар. А на базаре, как известно, всякое бывает. Первые островки светлого будущего появились на нашем горизонте в виде коммерческих магазинов (Жизнь... и кошелек. Цены на электронику // АиФ. 1991); *Это значит, что уже начинают приниматься стихийные, примитивные экономические решения. Может быть, это пока и не рынок, а базар, но это уже начало* («Весна все-таки пришла» // АиФ. 1992).

Примечательно, что в первом фрагменте эксплицирована идеологическая оппозиция социалистическое распределение — цивилизованный рынок. Модель плановой экономики, принятая в советскую эпоху, противопоставляется рыночным отношениям постсоветского периода, характерным для ранее идеологически чуждого капиталистического строя. В языке периодической печати экономический термин становится инструментом политики: «Образно говоря, политико-экономический базис определяет лингвистическую надстройку, а язык современной периодической печати не что иное, как рупор, выразитель, распространитель информации» [Калугина 2015: 94].

В дальнейшем противопоставление *рынок — базар* становится общей формулой, употребляемой для описания недостатков экономики страны, отдельных ее сфер или непродуманности экономических реформ.

Если мы хотим создать цивилизованный рынок газа, а не сеть мелких базаров, то данные поправки принимать нельзя (В. Серегин. Газовое лобби недовольно административной реформой // РБК Daily. 2004); *Страна не вошла, а упала, рухнула в дикий рынок, который правильнее было бы назвать базаром* (Я. Геннадий. Н. Байбаков: Не падать в рынок, а входить // Труд-7. 2001).

Речь идет об особом «языке реформ», на котором власть обсуждает с обществом вопросы реформирования тех или иных сфер. «Язык реформ» обладает специфическими функциями — «увещевание, запугивание, оплакивание текущей ситуации, объяснение решения, обещание прогресса» [Данилова 2015: 23]. Вероятно, одной из особенностей «языка экономических реформ», характерного для публицистического дискурса конца XX — начала XXI века, является использование оппозиции рынок — базар. Положительная или отрицательная оценка явлений определяется позицией, которую пишущий выражает по отношению к рыночным реформам. Базар при этом может представляться, с одной стороны, как неразвитая форма рынка, которую необходимо пройти для достижения обещанного властями экономического благополучия в будущем (обещание прогресса), с другой стороны — как свидетельство неоправданности и провала экономических реформ, приведших, по мнению пишущего, к деградации товарно-денежных отношений (запугивание и оплакивание текущей ситуации). Такие наблюдения соотносятся с зарубежными исследованиями политического дискурса: говорящий или пишущий представляет определенную ситуацию в крайне негативном свете, чтобы воздействовать на адресата и получить его согласие на «нейтрализацию» угрозы [Сар 2010: 392].

Многие авторы публицистических текстов ссылаются на афористичное высказывание В. Черномырдина, противопоставившего синонимы в одном контексте:

В начале девяностых они утверждали, что у нас еще не рынок, а базар: эпоха первичного накопления капитала отличалась неустойчивостью, коррупцией и бандитизмом (Как мы стали рыночной страной // Комсомольская правда. 2002); *Левые приняли за своего. Мол, красный директор. Либералы застыли в ожидании. Тогда и ро-*

дился первый **черномырдинский афоризм**: **“Я за рыночную экономику, за реформы, за рынок, но не за базар”** (Виктор Черномырдин. Он никогда не жалел о том, что сделано // Vesti.ru. 2010).

Такое противопоставление может быть нагружено различными коннотациями. Так, например, актуализация оппозиции *рынок* — *базар* позволяет обратить внимание читателя на проблемы сферы образования, где рыночные отношения — совершенно новое, еще непривычное явление, и поэтому с трудом контролируемое:

Жесткое планирование странным образом уживается с настоящим «разгулом рынка» за пределами бюджетной компоненты образования. Причем такого рынка, который В. С. Черномырдин определил в 1993 г. как «базар»: со слабой информированностью потребителя, с отсутствием гарантий качества, дефицитом сложившихся брендов и репутаций (Недоделанные специалисты // Ведомости. 2010).

Рынок охватывает и сферу искусства, творчества, но неумелая организация приводит даже их к «разгулу криминала»:

<...> государство на два десятилетия бросило родное кино выживать в условиях полного отсутствия рынка и абсолютного торжества криминального базара (П. Леонид. САС уполномочен заявить... // Труд-7. 2006).

Базару как неразвитой форме торговли или рыночной экономики приписываются различные отрицательные качества: опасность, «уродливость», вседозволенность, беззаконие, разорение. Такие контексты характерны для публицистического дискурса начала 2000-х гг.:

Она более чем кто-либо заинтересована в том, чтобы рынок перестал быть базаром — разорительным и опасным для всех (В. Елена. Милиция сказала: «Кончай базар!» // Труд-7. 2000); **Не рынок, а уродливый базар** (Митинговать врачам некогда // АиФ. 2001); **Свободный рынок — это не базар, где царит вседозволенность. Недостаточная требовательность в соблюдении законов мешает нам вести реформы, собирать налоги** (По сообщениям корреспондентов «КП». Надо ли топить браконьерские сейнеры? // Комсомольская правда. 2001).

В следующем фрагменте также употребляются дериват *прокси-рынок* (англ. *proxy* ‘косвенный, опосредованный’) и лексема *базар*, что позволяет выразить отношение автора к процессу криминализации сферы торговли:

Крым, который в Кремле видели некогда как новый центр страны, превратился в провинциальный прокси-рынок, который рискует мгновенно загнуться или стать огромным базаром для контрабанды, если у федерального правительства вдруг закончатся деньги (Вечный Крымский понедельник // Ведомости. 2019).

Однако нельзя утверждать, что *рынок* и *базар* не употребляются как синонимы в ряду однородных членов. Такие контексты многочисленны и содержат номинации других мест торговли — *магазин*, *супермаркет*. Отрицательные коннотации употребления при этом не исчезают: *рынки* и *базары* — это места столпотворений, воровства, нелегальной торговли, это источники преступной деятельности и опасности:

Сегодня это позволяет на территории всей страны навести порядок на всех рынках, базарах, магазинах — изъять всю эту продукцию как конфискат, как нелегальный продукт <...> (Черная икра уходит в историю // Vesti.ru. 2007).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, публицистический дискурс, тесно связанный с политическим и экономическим дискурсом, является средством не только информирования адресата, но и трансляции доминирующих или непопулярных идеологических позиций. В публицистическом тексте находят выражение и вступают в противоречие ценностные ориентиры различных социальных групп, а с помощью убеждения формируется мнение и представление адресата о тех или иных явлениях окружающей действительности. Для этого авторами публицистических текстов используется широкий арсенал лексических средств.

Исследование материалов основного и газетного корпусов НКРЯ показало, что употребление языковых синонимов *рынок* и *базар* в публицистическом дискурсе в качестве контекстных антонимов позволяет пишущему решить важную коммуникативную задачу — обратить внимание читателя на экономические проблемы и последствия противоречивых экономических реформ. Основаниями для такой оппозиции являются терминологизация слова *рынок* и, напротив, жаргонизация слова *базар*. Это позволяет противопоставить их по нескольким коннотативным семантическим компонентам: ‘порядок — беспорядок’, ‘организованность — дикость, стихийность’, ‘закон — беззаконие, криминальность’. Однако если *рынок* и *базар* употреблены в качестве синонимов, то в контексте чаще отражены их общие отрица-

тельные характеристики (столпотворение, грязь, обман).

Использование слов *рынок* и *базар* в одном контексте как явлений противопоставленных получает широкое распространение в поздний советский и постсоветский период. Противопоставление *рынка* и *базара* обусловлено не только коннотативными компонентами лексических значений данных слов, но и их концептуальной значимостью для носителя русского языка, тесной связью с историческими событиями, экономическими и социальными изменениями, которые отрефлектированы в текстах с помощью особой организации языковых средств.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

1. Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.08.2023). — Текст : электронный.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З / В. И. Даль. — Москва: О-во любителей рос. словесности, учрежд. при Имп. Моск. Ун-те, 1880. — 812 с. — URL: <https://runivers.ru/lib/book3178/10117/> (дата обращения: 23.08.2023). — Текст : непосредственный.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 716 с. — Текст : непосредственный.
4. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. В 2 т. Т. 1. / сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова [и др.] ; отв. ред. Т. Н. Буцева ; Ин-т лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. — 816 с. — Текст : непосредственный.
5. Русский ассоциативный словарь онлайн. — URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 23.08.2023). — Текст : электронный.
6. Толковый словарь русского языка. Т. 3. П–Ряшка / ред. Д. Н. Ушаков, Б. М. Волин. — Москва : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. — 712 с. — Текст : непосредственный.
7. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Е. Ю. Ваулина, Т. И. Гайкович, А. В. Зеленин, Т. В. Кормилицина [и др.] ; под ред. Г. Н. Складчиковой ; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 698 с. — Текст : непосредственный.
8. Уфимцева, Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. От стимула к реакции. От реакции к стимулу / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. — Москва : Московская международная академия, 2018–2019. — Текст : непосредственный.
9. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2 / П. Я. Черных. — Москва: Русский язык, 1999. — 560 с. — Текст : непосредственный.
10. Шапошникова, И. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. От стимула к реакции. От реакции к стимулу / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко ; отв. ред. Н. В. Уфимцева. — Москва : Московский институт лингвистики, 2014–2015. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гейвандян, Л. Э. Языковые особенности публицистического дискурса / Л. Э. Гейвандян. — Текст : непосредственный // Дискурс в синтаксике и парадигматике : сб. науч. тр. / под ред. Н. Ю. Фанян — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. — С. 48–52.
2. Гейко, Н. Р. Общественно-политическая лексика в публицистическом дискурсе / Н. Р. Гейко. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 73. — 2013. — № 1 (292). — С. 194–197.

3. Данилова, Л. Н. Язык реформ / Л. Н. Данилова. — Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — Т. II (Психолого-педагогические науки). — № 1. — С. 22–24.

4. Единак, О. В. Стилистические характеристики публицистического дискурса в пространстве глобальной сети (на примере дискурса победы) / О. В. Единак. — Текст : непосредственный // Его Величество Язык Ее Величества России : сборник трудов Междунар. науч. конф. к 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883). — Орел : [б. и.], 2018. — С. 357–359.

5. Игнатъева, О. А. Дискурс-анализ политических суждений в контексте цифровизации / О. А. Игнатъева. — Текст : непосредственный // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2021. — Т. 17. — № 3. — С. 259–272.

6. Калугина, Ю. Е. Экономические термины в современном политическом дискурсе / Ю. Е. Калугина. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление (государство и общество). — 2015. — № 3. — С. 92–101.

7. Крутова, И. Н. Коммуникативно-прагматические функции средств выражения эмотивности в публицистическом дискурсе / И. Н. Крутова. — Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. — 2020. — № 1 (73). — С. 26–32.

8. Ратмайр, Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении / Р. Ратмайр. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — 456 с. — Текст : непосредственный.

9. Сидельникова, Е. А. Газетно-публицистический экономический дискурс как самостоятельный тип дискурса / Е. А. Сидельникова. — Текст : непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. — 2017. — № 2. — С. 198–202.

10. Трубина, Е. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российской современности / Е. Трубина. — Текст : электронный // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 2. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/dzhungli-bazar-organizm-i-mashina-klassicheskie-metaphory-goroda-i-rossijskaya-sovremennost.html>.

11. Черникова, Н. В. Лингвоментальная категория актуальности и лексические средства ее репрезентации / Н. В. Черникова, Н. Ю. Рассказов, И. А. Орлова. — Текст : непосредственный // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. — 2021. — № 1 (110). — С. 89–96.

12. Швецов, Д. В. Базар, ярмарка, лавка, магазин: трансформация форм розничной торговли / Д. В. Швецов. — Текст : непосредственный // Terraeconomica. — 2011. — Т. 9. — № 3. — С. 21–30.

13. Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева. — Текст : электронный // Colloquium. — 1993. — № 1. — С. 33–41. — URL: <https://burago.com.ua/tshmeleva-%E2%80%A2-klyuchevye-slova-tekushhego-m/>

14. Cap, P. Axiological aspects of proximization / P. Cap. — Text : unmediated // Journal of Pragmatics. — 2010. — № 42. — P. 392–407.

15. Lee, D. Y. W. New Ways of Doing Old Things / D. Y. W. Lee. — Text : unmediated // Advances in Discourse Studies. — London ; New York : [s.n.], 2008. — P. 86–99.

MATERIALS AND DICTIONARIES

1. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian language] (n.d.). Retrieved August 21, 2023, from <https://ruscorpora.ru/> (In Russ.)

2. Dal', V.I. (1880). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Tom pervyy A–3* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Volume first A–3]. Moscow: O-vo lyubiteley ros. slovesnosti, uchrezhd. pri Imp. Mosk. Un-te, 812 p. Retrieved August 23, 2023, from <https://runivers.ru/lib/book3178/10117> (In Russ.)

3. Mokienko, V.M. (2000). *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona : 25 000 slov, 7 000 ustoychivyykh sochetaniy* [Large dictionary of Russian jargon]. Saint Petersburg: Norint, 716 p. (In Russ.)

4. Butseva, T.N., Levashov, E.A., Denisenko, Yu.F., et al. (eds.) (2009). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 2 t. T. 1.* [New words and meanings. Dictionary-Reference book on the

materials of the press and literature of the 90s of the XX century. In 2 vols. Vol.1]. Saint Petersburg: DMITRIY BULANIN, 816 p. (In Russ.)

5. *Russkiy assotsiativnyy slovar' onlayn* [Russian associative dictionary online] (n.d.). Retrieved August 23, 2023, from <http://tesaurus.ru/dict/> (In Russ.)

6. Ushakov, D.N., & Volin, B.M. (eds.) (1939). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. T. 3. P—Ryashka* [Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 3. P—Ryashka] (1939). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 712 p. (In Russ.)

7. Sklyarevskaya, G.N. (ed.). (1998). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya* [Explanatory dictionary of the Russian language of the end of the XX century. Language changes]. Saint Petersburg: Folio-Press, 698 p. (In Russ.)

8. Ufimtseva, N.V. (2018–2019) *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar' (Evropeyskaya chast' Rossii). V 2 t. Ot stimula k reaktivnosti. Ot reaktivnosti k stimulu* [Russian regional associative dictionary (European part of Russia). In 2 vols. From stimulus to reaction. From reaction to stimulus]. Moscow: Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya. (In Russ.)

9. Chernykh, P.Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. T.2* [Russian Historical and Etymological dictionary of the modern Russian language. Vol. 2]. Moscow: Rus. yaz., 560 p. (In Russ.)

10. Shaposhnikova, I.V. (2014–2015) *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar' (Sibir' i Dal'nii Vostok). V 2 t. Ot stimula k reaktivnosti. Ot reaktivnosti k stimulu* [Russian regional associative dictionary (Siberia and Far East). In 2 vols. From stimulus to reaction. From reaction to stimulus]. Moscow: Moskovskiy institut lingvistiki. (In Russ.)

REFERENCES

1. Geyvandyan, L.E. (2018). Yazykovye osobennosti publitsisticheskogo diskursa [Linguistic features of journalistic discourse]. In *Diskurs v sintagmatike i paradigmatiche* (pp. 48–52). Krasnodar. (In Russ.)

2. Geyko, N.R. (2013). Obshchestvenno-politicheskaya leksika v publitsisticheskoy diskurse [Socio-political vocabulary in journalistic discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(292) (Iss. 73), 194–197. (In Russ.)

3. Danilova, L.N. (2015). Yazyk reform [The language of reforms]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*, II(1), 22–24. (In Russ.)

4. Edinak, O.V. (2018). Stilisticheskie kharakteristiki publitsisticheskogo diskursa v prostranstve global'noy seti (na primere diskursa pobedy) [Stylistic characteristics of journalistic discourse in the space of the global network (on the example of the victory discourse)]. In *Ego Velichestvo Yazyk Ee Velichestva Rossii. Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 200-*

letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Sergeevicha Turgeneva (1818–1883) (pp. 357–359). Orel. (In Russ.)

5. Ignat'eva, O.A. (2021). Diskurs-analiz politicheskikh suzhdeniy v kontekste tsifrovizatsii [Discourse analysis of political judgments in the context of digitalization]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 17(3), 259–272. (In Russ.)

6. Kalugina, Yu.E. (2015). Ekonomicheskie terminy v sovremennoy politicheskoy diskurse [Economic terms in modern political discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 3, 92–101. (In Russ.)

7. Krutova, I.N. (2020). Kommunikativno-pragmaticheskie funktsii sredstv vyrazheniya emotivnosti v publitsisticheskoy diskurse [Communicative and pragmatic functions of the means of expressing emotivity in journalistic discourse]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 1(73), 26–32. (In Russ.)

8. Ratmayr, R. (2013). *Russkaya rech' i rynek: Traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian speech and the Market: Traditions and innovations in business and everyday communication]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 456 p. (In Russ.)

9. Sidel'nikova, E.A. (2017). Gazetno-publitsisticheskii ekonomicheskii diskurs kak samostoyatel'nyy tip diskursa [Newspaper-journalistic economic discourse as an independent type of discourse]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2, 198–202. (In Russ.)

10. Trubina, E. (2010). Dzhungli, bazar, organizm i mashina: klassicheskie metafory goroda i rossiyskaya sovremennost' [Jungle, bazaar, organism and machine: classical metaphors of the city and Russian Modernity]. *Neprikosnovenny zapas*, 2. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/dzhungli-bazar-organizm-i-mashina-klassicheskie-metafory-goroda-i-rossijskaya-sovremennost.html> (In Russ.)

11. Chernikova, N.V. (2021). Lingvontental'naya kategoriya aktual'nosti i leksicheskie sredstva ee reprezentatsii [Linguistic category of relevance and lexical means of its representation]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 1(110), 89–96. (In Russ.)

12. Shvetsov, D.V. (2011). Bazar, yarmarka, lavka, magazin: transformatsiya form roznichnoy trgovli [Bazaar, fair, shop: transformation of forms of retail trade]. *Terraeconomicus*, 9(3), 21–30. (In Russ.)

13. Shmeleva, T.V. (1993). Klyucheveye slova tekushchego momenta [Keywords of the current moment]. *Colloquium*, 1, 33–41. Retrieved from <https://burago.com.ua/t-shmeleva-%E2%80%A2-klyucheve-slova-tekushchego-m/> (In Russ.)

14. Cap, P. (2010). Axiological aspects of proximization. *Journal of Pragmatics*, 42, 392–407.

15. Lee, D. Y. W. (2008). New Ways of Doing Old Things. In *Advances in Discourse Studies* (pp. 86–99). London & New York.